

СоЛиТекст

Проблемная группа по сопоставительной лингвистике текста

Проблемная группа, объединяющая исследователей университетов нескольких стран, ставит своей задачей описание некоторых аспектов организации текста в славянских языках в сопоставлении с романскими языками. Исследования ведутся по двум основным направлениям:

- описание логических и концептуальных принципов аргументации и языковых средств, позволяющих их реализацию;
- описание языковых средств, обеспечивающих связность текста на уровне лексико-грамматических категорий глагола.

1. Логико-семантические отношения между высказываниями

Особое внимание в данном направлении исследований уделяется описанию показателей семантических отношений, содержащих анафорический элемент (*этот, тот, такой, данный, подобный, другой* и под.). В современных исследованиях анализ показателей семантических отношений между высказываниями редко исходит из анализа компонентов, входящих в состав данных единиц, являющихся, однако, в большинстве случаев сложными языковыми знаками (ср. *тем не менее, таким образом, исходя из этого, в результате чего* и под.). Такой анализ считается лишь вспомогательным средством, поскольку дискурсивные коннекторы рассматриваются, как правило, как «устойчивые сочетания», обладающие в достаточной степени абстрактным значением, лишь незначительно зависящим от семантики составляющих их элементов (ср. работы Ляпон, Санникова, Пайара и др.). Однако, если это верно для многих сочинительных союзов (*а, и, но* и др.), уже на уровне подчинения общее значение союза часто обусловлено семантикой входящих в него элементов (*в то время как, вместо того чтобы, для того чтобы*). Степень этой зависимости еще более возрастает, когда речь идет о так называемых «вводных словах», функция которых состоит в обеспечении связности текста (*таким образом, с одной стороны... с другой стороны, с этой точки зрения, в данном случае* и под.). В задачу исследования на первом этапе входит морфологическая и семантическая типология единиц русского языка, содержащих анафорический элемент, описание закономерностей их функционирования, степени грамматикализации (ср. *таким образом – *этим/ *данным/ *противным образом*, в отличие от *в таком / этом / подобном случае*), а также, на следующем этапе, сопоставление их семантических и синтаксических свойств со свойствами подобных языковых единиц в других славянских и в романских языках (ср. первые шаги в этом направлении в работах Biagini).

Анализ семантических отношений, основанных на анафоре, выводит данное направление исследования на еще одну проблематику: описание соотносительных предложений. Данный тип предложений, как правило, не выделяется в русской синтаксической традиции в отдельный класс (ср. *Русская грамматика* 1980), поэтому их семантика, типология, принципы функционирования описаны лишь в общих чертах

и сводятся, как правило, к вопросу о факультативности / обязательности соотносительного слова в главном предложении. В перспективу исследования входит системное описание всех типов соотносительных предложений, тогда как существующие исследования традиционно ограничиваются указательными словами *тот* и *такой*. Описание соотносительных предложений представляет большой интерес с сопоставительной точки зрения: русская соотносительная схема опирается на последовательную систему соответствий *указательное местоимение – относительное местоимение* (*тот – кто, такой – какой, так – как, столько – сколько, настолько – насколько, постольку – поскольку* и под.), тогда как в романских языках коррелятивная схема устроена по иному принципу (Она *так же* красивая, как ее сестра – Elle *aussi belle que* sa soeur; E bella *come* sua sorella. Она будет отдыхать *столько, сколько* захочет – Elle se reposera *autant qu'elle voudra*; Si riposera *tanto, quanto vorrà*), причем итальянский язык по принципу организации коррелятивной схемы занимает как бы промежуточное положение между русским и французским. В силу синтаксических и семантических различий соотносительных предложений в сопоставляемых языках, их перевод вызывает немалые трудности; ср.: Его круглые черные глаза смотрели на мир с *таким* удивлением, с *каким*, вероятно, осматривает свое гнездо только что вылупившийся птенец (*Асулин*) [Ses yeux ronds et noirs regardaient le monde avec *un étonnement pareil/semblable*, probablement, à celui avec *lequel* un oiselet à peine sorti de l'œuf regarde son nid]; Он высокий и стройный, *такой* высокий, *каких* я никогда не видела (*Сологуб*) [Il est grand et mince, je n'ai jamais vu quelqu'un d'*(aus)si* grand] (*Инькова в печати*).

Еще одним аспектом исследования логико-семантических отношений между высказываниями является описание аргументативных частиц, которые, в отличие от коннекторов, устанавливают связь между элементами текста не на семантическом, а на прагматическом уровне (Bonola 2008).

На грани двух основных направлений группы находятся вопросы, посвященные изучению эмфазы глагольных конструкций и их семантики в нарративном тексте. Эмфатические глагольные конструкции строятся по четырем основным моделям: (i) *а он взял да и сказал*; (ii) *а он возьми да и скажи*; (iii) *он как крикнет*; (iv) *он схватил шапку и бежать*. Анализ этих конструкций показывает, что они находятся в дополнительной дистрибуции (Kor Shahine 2004, 2006, 2007). Некоторые из этих моделей (в частности, модель (ii)) сопоставимы с конструкциями во французском языке (*et lui de dire*) (Kor Shahine, Torterat 2006). Вопросы эмфазы также затрагивают проблему соотношения глагольных форм в разном типе дискурса.

2. Лексико-грамматические категории глагола

Второе направление исследований группы связано с описанием роли глагольных категорий в обеспечении связности текста и в выражении коммуникативной установки говорящего.

2.1. *Время, вид, модальность*

Хорошо известно, что ВИД ГЛАГОЛА в славянских языках является категорией грамматической, тогда как в романских языках – это категория грамматико-семантическая. Известно также, что вид глагола, в том виде, в котором он существует в славянских языках в настоящее время, сформировался в результате разрушения временной системы, близкой по разнообразию форм к системе времен в современных романских языках. В этой связи особый интерес представляют изучение взаимоотношения категорий времени и вида в славянских и романских языках и описание семантики славянского вида как призванную компенсировать утрату временных форм (ср. предложение В.В. Виноградова (1947) о выделении у видо-временных форм русского глагола «аористивной», «перфективной» и «имперфективной» функций, развиваемую в коммуникативной грамматике Г.А. Золотовой; а также «перфективное значение» совершенного вида в работах L. Gebert). В своих исследованиях французские аспектологи показали (см., в частности, статью Bonnard в *Grand Larousse de la langue française*, s.v.), что сложные глагольные формы по отношению к соответствующим простым показывают не временные отношения, а завершённость действия (*aspect accompli*). Временной процесс, передаваемый сложными формами как бы достигает конечной точки (*terme final*), следовательно, он завершён, что обнаруживается уже в инфинитиве: *lire* (*aspect inaccompli*) – *avoir lu* (*aspect accompli*), *sortir* (*aspect inaccompli*) – *être sorti* (*aspect accompli*). В этом отношении система оппозиций сложных и простых временных форм романских языков может быть передана славянским видом, а именно сложное время = совершенный вид, простое время = несовершенный вид. Однако это соответствие носит лишь частичный характер, поскольку, с одной стороны, завершённость / незавершённость действия передается в романских языках и через оппозицию простых временных форм (*passé simple vs imparfait*), а с другой стороны, семантика вида в славянских языках не сводится к выражению оппозиции завершённость / незавершённость действия и зависит от целого ряда семантических и прагматических факторов: принадлежности глагола к тому или иному семантическому классу, наличия в высказывании показателей времени, коммуникативной установки говорящего, синтаксической структуры высказывания и под.

Все это приводит к определенной асимметрии в ВИДОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ романских и славянских языков. Так, во фразах *Она читала всю ночь* (несов.в.) и *Она прочитала всю ночь* (сов.в.), с одной стороны, и *Я читал вашу статью* (несов.в.) и *Я прочитал вашу статью* (сов.в.) и совершенный и несовершенный вид будут переводиться на французский язык одинаково формой *passé composé* (соответственно, *Elle a lu toute la nuit* и *J'ai lu votre article*), призванной в романской видовременной оппозиции передавать законченность действия. Семантическая оппозиция видов русского языка таким образом нейтрализуется при переводе на французский, равно как и на другие романские языки. Однако следует заметить, что семантические отношения, связывающие неопределённый предикат *читать* с глаголом совершенного вида *прочитать*, и отношения, связывающие предельный предикат (*télique*) *читать*

статью с его видовым коррелятом *прочитать статью*, различны, что определяет и различие в значении совершенного вида соответствующих глаголов. Предельный глагол в совершенном виде фокусирует результат действия («прочитанная статья»), тогда как неопределенный глагол в совершенном виде фокусирует представление процесса в его целостности, завершенности (ср. невозможность **Она прочитала*, в отличие от *Она читала*). Таким образом, в зависимости от семантического класса глаголов, на первый план может выдвигаться одна из двух семантических составляющих славянского вида: семантическая (состояние vs переход в новое состояние) и временная (незаконченность vs законченность) действия. Необходимо, следовательно, определить инвариантное, ‘прототипическое’, значение совершенного и несовершенного вида, а также взаимодействие этого значения со значением глагола того или иного семантического класса.

В этой связи по-прежнему актуальной является проблема семантической классификации глаголов с учетом не только их смысловых, но и акциональных характеристик (ср. работы Janda, Bertinetto, Brecht, Lentovskaya 2009), что позволяет распределить глаголы по т.н. смысловым «гнездам» (clusters), вне зависимости от принадлежности того или иного глагола к видовой паре (пример такого «гнезда»: *капать, покапать, закапать, капнуть*). При сопоставительном анализе таких «гнезд» с глагольной системой, например, итальянского языка, также описанной с учетом акциональных свойств глаголов, можно ожидать соответствия каждому «гнезду» русского языка одного многозначного итальянского глагола (например, для *капать, покапать, закапать, капнуть* – *gocciolare*). Дальнейшая разработка данной классификации в сопоставительном ключе поможет описать закономерности выбора эквивалента русских глаголов, выражающих способы глагольного действия (например, *доиграться, отбегаться* и под.) в итальянском и французском языках, а также систему опорных глаголов (*verbes support / verbi supporto*), которые широко и разнообразно используются в обоих романских языках для передачи данных глагольных значений русского глагола.

Поскольку выбор вида не всегда определяется правилами грамматики (как в случае повествования в настоящем времени, повторяющихся действий, отрицания в повелительном наклонении и под.) представляется интересным определить те факторы, которые влияют на выбор говорящего, особенно в случаях так называемой КОНКУРЕНЦИИ ВИДОВ (ср., например общефактическое значение несов.в. и актуально-фактическое сов.в.). Как показывают проведенные исследования (Gebert 2004, Kreisberg 2007), довольно часто определяющим фактором в выборе вида в славянских языках становится информативная структура высказывания, взаимодействующая с фокализацией иллокутивной силы высказывания (ср. приведенный выше пример с *читать / прочитать* или *Ой, я сейчас упаду!* и *Я сейчас буду падать*, представляющее «падение» как контролируемое действие, а также выбор вида в императиве). В задачу исследования входит описание способов фокализации и типов фокуса в русском и других славянских языках в сопоставлении с романскими языками, лучше описанными

в этом отношении (ср. работы Frascarelli, Mereu). Это позволит определить виды взаимодействия семантики глагола с типом фокуса и с коммуникативной организацией высказывания.

Семантико-синтаксическая структура высказывания также играет немаловажную роль в выражении и интерпретации категории вида, что определяется особенно ярко в случае ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ. Среди наиболее важных факторов, определяющих интерпретацию глаголов данной группы, можно указать связь с именными категориями, такими, как определенность / неопределенность, фразовое ударение, порядок слов и другие элементы организации текста. Зависимость интерпретации вида глагола от контекста сближает двувидовые глаголы славянских языков (в частности, русского и болгарского) с глаголами неславянских языков (например, романских), где, как известно, вид глагола грамматикализован лишь отчасти в системе времен. Поэтому романские языки, как правило, также прибегает к элементам (кон)текста (т.е. к средствам аналитизма) для выражения аспектуальной характеристики глагола. В этом смысле можно говорить об а-аспектуальном характере этой специальной группы глаголов в русском и болгарском языках, позволяющем, с одной стороны, говорить о расширении аналитизма в русском языке, а с другой – подтверждающем синтаксический характер категории аспектуальности.

Мало разработанной для славянских языков является и проблема взаимодействия вида с МОДАЛЬНОСТЬЮ. Модальные глаголы (*мочь, хотеть, нужно, надо, должен, следует* и под.) допускают, как известно, сочетания как с совершенным, так и с несовершенным видом, однако, критерии выбора не всегда ясны, тем более что выбор вида, как показывает опыт перевода с итальянского языка на русский, часто не зависит от семантико-прагматических критериев. В задачу исследования, основанного на анализе корпуса итальянских текстов, переведенных на русский язык, входит определение типов контекстов, где выбор вида в модальной конструкции обусловлен семантико-прагматическими факторами (в частности, фокусом на результате действия или на самом действии, см. выше), а где этот выбор диктуется другими параметрами (стилистическая маркированность, частотность и под.).

В связи с упомянутыми выше различиями в системе видо-временных отношений славянских и романских языков иной аспект приобретает и выражение ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ, играющих важную роль в организации текста. Несмотря на противоречивость многих теоретических установок, категория таксиса получила в русистике многоаспектное изучение. Хотя термин «таксис» (от греч. *taxis* – построение, порядок, расположение) относительно новый – он был введен Р. Якобсоном –, исследователи уже давно обратили внимание на то, что в высказывании мы чаще всего имеем дело не с одним отдельным действием, а с несколькими, связанными между собой. Таким отношениям ученые давали разные названия, такие как «относительное время», «соотносительное употребление времен», «времена с двойной ориентацией» и т. д. Однако, уже Р. Якобсон настаивал на том, что, по отношению к русскому,

целесообразно говорить об особой грамматической категории таксиса, четко разграничивая категории времени и таксиса, таксиса и относительного времени, которое является лишь разновидностью категории таксиса. Он также подчеркивал необходимость разграничивать разные типы отношений, входящие в понятия «зависимый» и "независимый таксис".

Категория таксиса была рассмотрена также Ю. С. Масловым, А. В. Бондарко, А. И. Карташевой, Г. А. Золотовой, и В. С. Храковским. Подход В. С. Храковского к изучению таксиса носит универсальный характер. Его применение к другим языкам, в частности к тем, где есть отсутствующее в русском явление согласования времен, позволяет систематизировать таксисные формы в языках разных типов, преодолев непоследовательность критериев, предлагающихся в литературе по данному вопросу.

2.2. Диатеза

Еще одним аспектом семантики и грамматики глагола, связанным с коммуникативной установкой говорящего, является диатеза, позволяющая выразить семантические актаны разными синтаксическими средствами, определяя, таким образом, «направление чтения» текста. Самый яркий пример этого факта – страдательный залог, но существует немало других, мало изученных возможностей диатетической организации текста, например диатеза дополнений (ср. работы В. Плуногьяна). Сопоставительное изучение диатезы (в нашем случае в русском и итальянском языках) позволяет вскрыть явления, которые остаются в тени при изучении отдельно взятого языка. Действительно, глагольные лексемы, обозначающие одну и ту же ситуацию, не всегда предоставляют говорящим те же самые возможности в отношении диатезы в разных языках. Это значит, что глаголы не всегда «прочитывают» ситуацию во всех возможных направлениях, а только в тех, которые могут быть обусловлены залогами конкретной глагольной лексемы.

Кроме этого, каждый язык имеет свои предпочтения по отношению диатезы: такие конструкции, как *Мухи обсели абажур* (транзитиватив) или *Его забрасывали камнями* (пермутатив) представляют для перевода на итальянский определенную трудность, в то время как *Мухи сели на абажур* и *В него бросали камни* переводятся без синтаксических изменений и звучат вполне естественно: *Le mosche si sono posate sull'abajour*, *Gli hanno gettato le pietre*. Данное направления исследований ставит себе целью описать, в сопоставительном русско-итальянском аспекте:

- предпочтительность внутри набора залогов наиболее частотных глаголов в русском и итальянском языках;
- как итальянский язык восстанавливает семантику отсутствующих залогов данных глаголов благодаря другим языковым и контекстуальным средствам.

2.3. Эксплетивное отрицание

Если в романских языках эксплетивное отрицание достаточно хорошо описано (ср. работы Gaatone, Muller, Larrivé, Toven, Manzotti и др.), то в славянских языках оно практически не изучено, особенно, с семантической точки зрения (формальный аспект

представлен работами генеративистов Abels, Brown, Franks). Поскольку в каждом языке список контекстов, допускающих употребление эксплетивного отрицания, различен, на первом этапе исследования необходимо определить контексты употребления эксплетивного отрицания в славянских языках, в первую очередь, в польском (ср. для русского языка Inkova 2006). Предварительный анализ показал, что польский язык характеризуется некоторыми особенностями, как в сравнении с романскими, так и в сравнении с русским языком: он допускает употребление эксплетивного отрицания в фактивных контекстах, а именно с глаголом совершенного вида в настоящем времени, описывающим однократное действие в прошлом, оцениваемое (и в этом состоит функция отрицания) говорящим как неожиданное.

2.4. Глагольные междометия

Глагольные междометия типа *плюх* встречаются как в славянских, как и в некоторых других языках, в том числе и в романских (румынский). Однако их функционирование пока еще мало изучено. Хотя многие выдающиеся слависты (В. В. Виноградов, С. Карцевский, P. Garde и др.) не раз обращали внимание на эти «гибридные» формы, совмещающие в себе черты глагола и междометия, эти формы еще требуют более детального описания, в том числе и в сопоставительном плане. Собранный материал в русском языке показал, что эти глагольные формы встречаются только в определенном типе дискурса, а именно в нарративе. Опираясь на базу собранного репертуара глагольных междометий в русском языке (Kog Shahine 2008), в котором эти формы наиболее распространены, задачей этого исследования будет:

- определение лексико-семантических особенностей глагольных междометий в русском языке и распределение их по семантическим классам (работы представителей Московской семантической школы – Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой и др.);
- приложение полученных результатов к другим языкам, как к славянским (польскому, чешскому, болгарскому), так и к романским (румынскому) и другим.